

Семён Юрьевич Ешурин

*Крепостная
герцогиня
(главы
116—142)*

Квазиисторическая юмористическая
эпопея

Семён Ешури́н

**Крепостная герцогиня (главы
116—142). Квазиисторическая
юмористическая эпопея**

«Издательские решения»

Ешури́н С. Ю.

Крепостная герцогиня (главы 116—142). Квазиисторическая юмористическая эпопея / С. Ю. Ешури́н — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857656-0

После смерти царя Петра Смиты эмигрируют в Лондон и становятся Гриффитами. Мойшу Шафирова и его семью арестовывают и ссылают в Сибирь. Юдка избегает ареста и эмигрирует в Лондон под видом цыганки Лалы. Тем временем друг её детства Джордж Гриффит-младший становится женихом принцессы Маргариты.

ISBN 978-5-44-857656-0

© Ешури́н С. Ю.
© Издательские решения

Содержание

116. От столицы до... столицы	6
117. Кончина героя Бленхейма (КгБ)	8
118. Конец эпохи Петра	11
119. Эми грация	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Крепостная герцогиня (главы 116—142) Квазиисторическая юмористическая эпопея

Семён Юрьевич Ешурин

© Семён Юрьевич Ешурин, 2017

ISBN 978-5-4485-7656-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

116. От столицы до... столицы

Вскоре молвил гость аглицкий хозяину гостеприимному полуаглицкому:

– Благодарствую за приём тёплый! Не мучила ностальгия меня, ибо порой забывал, что не в Англии пребываю.

Посоветался Томас со супругой и молвил:

– Оставайтесь, Ваша Светлость, ... то бишь пока ещё Ваша Милость, у НАС НАСовсем! Мы Вам рады, и чада наши к Вам привязались.

– Душа моя готова остаться здесь. Что же касемо тела, то чувство долга велит мне доставить оное в Лондон, дабы найти успокоение в семейном склепе Гриффитов.

И процитировал герцог на языке родном бессмертные строки великого пиита аглицкого Сандерса Мортирсона:

«Аки изрёк мудрец Рамбам,
Когда враги сожгли жилище:
«Что нас влечёт на пепелище?
Любовь к отеческим гробам!»»

– Но к сим гробам, – воскликнул Томас, – потребно прибыть не во гробу! Посему позвольте обратиться ко другу моему, медику опытному. Сей уроженец Оксфорда мечтает Родину повидать, но всё не скопит суммы, для сего вояжа достаточной.

– Нет проблем! – возрадовался герцог и добавил. – У него с бесплатным посещением Родины, а у меня со платным обслуживанием медицинским.

– Я на сей раз поехать не могу, – виноватым гласом Томас молвил, – ибо ещё не накопилось во Британии Великой дел неотложных. Но Епифан поедет.

– А назад – порожняком?

– Сие опасно. Токмо не по причине нападения супостатов на кучера одинокого, а ибо контроля лишившись, способен Епифан коляску с лошадыю... пропить и по причине безденежья на чужбине сгинуть. Посему пушай пока у Вашей Светлости останется. А во следующий визит свой доберусь я до Лондона на перекладных, а назад с Епифаном отправлюсь.

На другой день герцог с эскулапом в путь отправились. И загорланил Епифан песнь дорожную, коюю по его заявке сварганил некий пиит пролетарский за бутылку водки:

– Пора нам в дорогу!
С Расеи в Англию дальнюю
Долгий путь идёт.
Напьюсь снова грогу
И буду весел я, как идиёт!

В пути здоровье герцога совсем ослабло, и кабы ни помощь спутника медицинского, был бы он «к ОТЕЧЕСКИМ гробам» не во гробу ОТЕЧЕСТВЕННОМ, а во гробу импортном, ибо аглицкие гробы редко экспортируются.

Долго ли, коротко ли, но въехала коляска на территорию современной Польши, кояя в те далёкие (с 1569 по 1795) годы официально именовалась «Речь Посполитая», а неофициально поляками патриотичными «родная Речь».

Проезжая чрез бывший стольный град Краков направил герцог (по совету спутника своего) в Эдинбург супруге бывшей эпистолу, приглашающую ея в Лондон.

Засим проехала коляска чрез Германию, раздробленную в то время на такое количество княжеств мелких, что перечислять оные нет смысла.

Аки токмо во Францию въехали, для Епифана райская жизнь настала. Все годы сей кучер возил Томаса Голда одним и тем же маршрутом. Бабы сего мужика колоритного не интересовали, однако он интересовал их. Остановки по пути обычно в одних и тех же домах были. И французенки раскрепощённые по ночам Епифана от здорового сна отвлекали. Посему в каждом из домов остановочных сего производителя встречали отроки али чада малолетние.

Во граде стольном Париже остановились они у тягостной вдовы некоего барона, коя опосля успения супруга своего у сестры гостила и Епифана навестила, кой, возвращаясь из Лондона, у соседки ея на сеновале храпел. Впоследствии хвастал Епифан правдиво, что он не токмо кучер барона, но и родитель другого барона. Ко счастью для юного барона никто не верил трепотне сей.

Пока миловался Епифан с хозяйкой платонично, а со служанкой аки обычно, навестил герцог Гриффит (по просьбе Юдки) пансион благородных девиц, возле неблагородной Бастилии расположенный, дабы передать хозяйке пансиона заказанную ею миниатюру Юдки Шафировой, то бишь ЖюдИт ШапирО, чьё славное имя с гордостью носит шахматный кружок пансиона сего.

Мадам Планетти, аки оказалось, отбыла в Лондон по приглашению... теперича уЖЕ Долли Хогарт. Назад она так и не вернулась, найдя счастье семейное в Манчестере аглицком. Новая хозяйка пансиона мадемуазель Жанна радушно приняла гостя драгого. Молвила она с живостью:

– Лик Жюдит гениальной на миниатюре сей походит зело на лучшую пансионерку и преподавательницу нашу (к сожалению превеликому уЖЕ бывшую) Адель, то бишь Делю Бартель, коюю я с юных лет ея помню, ибо в пансион я поступила двумя годами ранее Адели!

– Деля сия суть ныне Долли, невеста родственника моего Мэтью Хогарта, про коего глаголила Долли, что он суть кумир молодёжи девичьей пансиона Вашего!

– Истину глаголит наша знакомая общая! ... А что касемо сходства ея и сей очаровашки миниатюрной, то бишь на миниатюре изображённой, то имею я гипотезу на сей счёт. Отец «мадемуазель Бартель», коя преобразовалась в «миссис Хогарт», суть цыган страстный, кой зело охоч до представительниц слабого (особливо пред ним!) пола. И наверняка не устояла пред ним родительница Жюдит. Отсюда и сходство Жюдит и Адели.

(Не могла ведать мадемуазель Жанна, что хоть и права она, но лишь наполовину. То бишь родитель у Дели и у Юдки и впрямь один, токмо сие не цыган половинчатый Алексей Бартель, а иудей стопроцентный Мойша Шафиров.)

Простился герцог с мадемуазель Жанной, а вскоре и Епифан стал прощаться с проказницами постельными.

– Аки жаль, что мы поздно встретились, – всхлипнула служанка, – ибо не за горами дни критические, брюхатости не способствующие! Буду ждать тебя, аки Одиссея Пенелопа с троянской затяжной войны.

(На будущий год Епифан с Томасом Голдом, будучи проездом чрез Париж, посетили хозяйку с чадом новорождённым, а засим Епифан таки осчастливил служанку ея тоже сыном. Впоследствии отпрыск служанки, похожий на сына хозяйки, всем хвастался, что он суть плод любви внебрачной барона усопшего.)

Наконец, преодолела коляска путь от столицы расейской до столицы аглицкой и в Лондон въехала.

117. Кончина героя Бленхейма (КгБ)

Герцогиня Джейн Макдауэлл, своевременно получившая посланное путником приглашение, уже ожидала бывшего супруга во своём бывшем особняке. Ей не терпелось расспросить о сыне возлюбленном, канувшем во ГЛУБИНЕ... расейской ГЛУБИНКИ и о семье его. Но генерал славный прибыл во столь плачевном состоянии, что медик сопровождающий посоветовал дать ему сутки на восстановление сил, а эскулап семейства Гриффитов, сменивший коллегу на трудовом посту, просьбу сию ПОДТВЕРДИЛ и УТВЕРДИЛ.

Но генерал не стокмо отдыхал, скокмо пред женой бывшей восторгами делился. Особливо страдал вояка старый, что сын его (теперь уже точно – его!) воротит нос свой от куда более носатой Юдки Шафировой несравненной.

Показала леди Джейн бывшему мужу письмо дщери своей златокудрой Лесли, носящей ныне фамилию супруга возлюбленного. Сообщала фрау Гогенцоллерн, что произвела на свет первенца своего, коего в честь славного генерала Джорджа Гриффита нарекла Георгом. Генерал сей аж прослезился от избытка чувств.

Наутро повелел герцог нотариуса позвать. Продиктовал он завещание, согласно коему сто тысяч фунтов стерлингов переводятся на отдельный счёт и будут вручены Джорджу Гриффиту младшему (урождённому Егору Смит) в качестве свадебного подарка опосля бракосочетания его с Юдифью Шафировой. Во случае бракосочетания его с иной девицей средства сии передаются в фонд министерства обороны.

Подошёл Джордж Гриффит старший ко столу, перечитал завещание составленное, засим улыбнулся довольно и обмакнул перо гусиное в чернила. Хотел было подпись поставить...

Но вдруг в сей миг его ударил час,
гусиное перо из длани пало...

А вослед перу пал на паркет герой Бленхейма с застывшей на устах улыбкой. Подобная картина чрез пару веков наблюдалась, когда «с улыбкой юный барабанщик на землю сырую упал», будучи подстреленным опосля того, аки

«однажды НОЧЬЮ на привале
он песню весёлую пел».

Наверняка ведь его пред сим предупреждали, дабы не мешал спать. Но подобно Глафире Самохваловой не внял он полезным советам и столь же плохо кончил.

...Похоронили славного воина герцога Джорджа Гриффита второго (Джордж Гриффит первый был его дедом, погибшим под Данбаром в 1650 году) так, аки он мечтал – во семейном склепе Гриффитов и в отечественном гробу.

Вскоре пришла во град Курск эпистола аж из Лондона! Адресована она была (впервые в жизни адресатки!) малолетней Юдке Шафировой. Текст на языке аглицком гласил:

«Глубокоуважаемая (не токмо за род свой, но и за шахматные деяния свои) графиня Юдифь Шафирова! Пишет Вам бывшая жительница Эдинбурга, ныне в Лондон перебравшаяся некая Джейн Макдауэлл.

Со глубоким прискорбием извещаю, что наш общий друг барон Джордж Смит опосля незабываемого вояжа в Расею Великую по возвращении в Лондон преставился.

С восторгом, переходящим во благоговение отзывался он о Вашем юном Сиятельстве и даже мечтал в будущем сделать Вас возлюбленной супругой внука своего. Смею надеяться, что Вы проявите снисхождение к летам его и не будете обвинять барона в желании породниться аж со графиней! ... (Прочитав строки сии, воскликнула Юдка:

– Не буду обвинять герцога в желании породниться с какой-то там графиней!)

...Всю жизнь свою собираю я коллекцию виртуальную достижений представительниц пола прекрасного. Недавно познакомилась я с дальней родственницей своей Долли Хогарт, она же до свадьбы – лучшая шахматистка парижская Адель Бартель, о коей многократный чемпион аглицкий Мэтью Хогарт старший глаголил, что имеет дева оная понятие об игре сей! Повела мне сия красавица и умница, что во граде Курске есть две шахматистки гениальные, неизмеримо сильнее нея играющие – Малашка Смит крепостная и Ваше Сиятельство.

Предлагаю почтить светлую память барона Джорджа Смита во славном шахматном граде Курске мемориальным турниром середь... представительниц пола прекрасного (ибо цель моя – пропаганда достижений сих представительниц), кой желательно начать на будущий год 10 апреля в годовщину успения барона. Обещаю выслать на счёт родителя Вашего славного Мойши Шафирова (ибо юный возраст Вашего Сиятельства не предполагает самостоятельности финансовой) чек на 100 тысяч фунтов стерлингов. Но победительниц потребно будет одаривать не деньгами (кои у них мужья любящие али родители заботливые отберут!), а нарядами модными.

Во случае согласия Вашего Сиятельства на организацию мемориала сего, потребно начать рекламную компанию уже ныне, дабы участницы будущие подготовиться успели.

Сердечно рада хоть и заочному, но таки знакомству с главной из трёх новых звёзд коллекции моей (ибо то ли ещё будет?!). Ваша поклонница Джейн Макдауэлл.»

Явилась Юдка в дом ко Смитам и показала эпистола Малашке, в сем документе упомянутой. Засим молвила:

– Завидую я Вам, Маланья Прохоровна завистью, естественно, белой, ибо подобная свекровь за пределами мечтаний пребывает!

Рассмеялся Егор Смит, пока ещё малолетний жених графини юной гениальной:

– Да и у тебя, Юдка, свекровь будет завидная, особливо коли к тому времени свой незавидный крепостной статус сменит!

– Сестрица моя возлюбленная (... маменькой нашей!) Суламифь считает, что негоже графине высокородной якшаться со всякой шелупонью! Излишне глаголить, что не разделяю я мнение сие и отношусь к семье вашей агло-расейской аки минимум с уважением. Но не будем строить планы далеко идущие, по крайней мере – обсуждать их. Просто планирование на длительный срок до добра не доводит. Аки глаголил пиит расейский происхождения шведского некий Шефнер:

«Ты жизнь свою разлиновал
На тридцать лет вперёд,
Но налетел девятый вал,
И всё наоборот!»

Юдка ответила миссис Макдауэлл. Их переписка длилась более двух лет вплоть до вынужденного ухода Юдки «в подполье», о чём речь впереди будет.

Поглаголила чемпионка славная с участниками чемпионата и выяснила, что трое из оных вздыхают безнадежно по трём девам столь лепым, что даже подойти к ним боятся. Засим обсудила идею мемориала с родителем своим не менее славным, хоть и в иной сфере.

Вскоре в газете «Вечерний Курск» объявление появилось, коее гласило:

«Любезные девы и дамы курские и даже девки крепостные, коли их хозяева не супротив! В январе будущего года состоится турнир шахматный, посвящённый памяти барона аглицкого Джорджа Смита, мужа спонсорши турнира меценатки знаменитой Джейн Макдауэлл. Победительницы награждаются нарядами моднейшими, пошитыми на знаменитой фабрике Славы Кроликова, в нарядах коей щеголяют коронованные особы и законодательницы моды в обществе светском. Начинайте готовиться!

Спонсор турнира негоциант Мойша Шафиров.»

Вскоре всем трём «лепым девам» пришли следующие приглашения:

«Уважаемая ...! Приглашаю на шахматный турнир, кой в январе состоится. В целях ещё лучшей шахматной подготовки Вашей рекомендую обратиться к опытному тренеру ..., кой любезно согласился позаниматься с Вами.

Спонсор турнира Мойша Шафиров.

P.S. Кандидатура тренера предложена дочерью моей Юдифью, коя о шахматах понятие имеет, ибо двукратной чемпионкой Курска среди мужчин пребывает!»

У пятерых участников турнира пятеро крепостных девок попросили подготовить их к соревнованию.

118. Конец эпохи Петра

Кучер Епифан согласно договорённости в Лондоне остался, откуда в декабре 1724 года был забран хозяином своим Томасом Голдом и на обратном пути, аки уже глаголилось, ошастливил служанку любвеобильную чадом желанным.

Мы же «подадим» чуть назад. Итак, Санкт-Петербург, ноябрь 1724 года. Здравие императора стало из рук вон... неважным – проблемы почечные мучили. Посему перестал он внимание уделять супруге своей. Не мудрено, что императрица любвеобильная (аки описанная выше служанка французская) хахаля себе завела. Токмо был сие (в отличие от служанки) не Епифан здоровенный, а красавец сравнительно худосочный Вилим Монс.

Был сей «Казанова» (хотя настоящему Казанове предстояло лишь на следующий год в сей мир явиться) младшим братом Анны Монс, многолетней любовницы царя Петра. Но царь уличил её в измене и поменял одну проститутку на другую, ставшую опосля крещения Екатериной.

Опосля успения (без помощи государя) Анны Монс царь не придумал ничего лучше, аки назначить младшего брата её красавца Вилима камергером супруги своей, то бишь «пустил козла в огород», хоть в тот миг сам козлом оказался.

Было бы чудо, коли не стал бы Вилим любовником Екатерины страстной. Но чуда не произошло. Чудом можно считать то, что прознал о сем безобразии государь токмо чрез семь лет. И разделил несчастный судьбу незавидную Марии Гамильтон абртолюбивой, то бишь лишился главы своей дурной якобы за нарушение финансовой дисциплины, ибо не мог рогосец признаться, что является таковым.

Екатерина хоть и впала в немилость августейшую, но продолжала считаться императрицей.

В январе 1725-го года в Курске очередной чемпионат шахматный состоялся. Второе-третье места поделили привычные соперники Роджер Смит и Никита Самохвалов. Чемпионкой столь же привычно в третий раз стала... ясно кто! При сем Юдка второй раз достигла результата стопроцентного.

Соседи чемпионки по пьедесталу виртуальному возмутились реально. Заявили они, что коли на будущий год Юдка играть будет, то они – не будут, ибо всё равно им сию шахматную малолетку не обогнать.

Наконец, 28 января по юлианскому календарю 1725-го года Всевышний сжалился над Расеей вообще и над Екатериной в частности, забрав к себе императора расейского. Завещания усопший не оставил. Наиболее вероятным царём должен был стать внук покойного, сын убиенного царевича Алексея Пётр. Но тут вмешался Светлейший Меншиков, и впервые в итории расейской на престол взошла представительница пола... до той поры нетрадиционного аки бы безутешная вдова Екатерина Алексеевна, то бишь Екатерина Первая. Но реально самым могущественным человеком Расеи стал Светлейший «кукловод» Александр Данилович Меншиков.

119. Эми грация

При всей своей патологической жадности был Данилыч сравнительно честным – особенно, коли честность жадности не противоречила. Посему первым делом решил со «бриллиантовым долгом» рассчитаться. Тем паче затрат ему сие благодеяние не сулило.

Вызвал к себе повелитель Расеи (подобно тому, аки недавно усопший регент Филипп Второй Орлеанский был повелителем Франции) к себе во дворец негоциантов славных Мойшу Шафирова и Томаса Голда, а из Курска тем временем супругов Смит доставили.

И заглаголил временщик высокопарно:

– Господа свободные и пока ещё крепостная бесправная! 9 месяцев назад... нет, никто не зародился. Аки раз насупротив! Преставился славный воитель, герой битвы при Блен..., в общем, при ГОхштедте (похититель бриллианта «Бленхейм» не хотел произносить скомпрометированный им топоним) славный генерал Джордж Гриффит. Опосля его прискорбного успения создалась занятная ситуация. Сын его возлюбленный (правда, не всю жизнь, а незадолго до успения!) Уолтер Гриффит автоматически стал герцогом. Тот факт, что сей новоиспечённый герцог ныне скрывается под личиной гувернёра Роджера Смита ничего не меняет. И формально супруга его возлюбленная Маланья Смит суть герцогиня аглицкая высокородная! Но вся уникальность ситуации сей в том состоит, что формально сия аристократка аглицкая, обладающая, кстати, манерами аристократки (!), суть крепостная девка, то бишь рабыня негоцианта славного Мойши Шафирова!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.